

ской губ., — увы, во многом близкие к действительности.

И, однако, как мне говорил Д. П. Маковицкий, Лев Николаевич когда-то очень любил Андрея Львовича.

— Я его люблю за то, — говаривал Лев Николаевич, — что он — такой, как он есть, и не хочет казаться ничем иным!..

Вопрос отношений с Андреем Львовичем осложнялся, однако, для Льва Николаевича и для многих других еще одним обстоятельством: этот сын Льва Николаевича придерживался крайних, так называемых «черносотенных» убеждений.

У меня была с Андреем Львовичем одна беседа, в которой я услышал от него ужасную вещь.

Мы говорили об отказах от военной службы по религиозным убеждениям. Я старался доказать Андрею Львовичу, что нельзя так жестоко наказывать отказывающихся, как это делает правительство, потому что они просто переросли свое время в нравственном отношении и не могут поступать иначе, даже если бы и хотели.

В ответ я слышал:

— Всех их нужно вешать!

Но не это было самое ужасное.

Когда разговор коснулся влияния Льва Николаевича на распространение отказов и, вообще, его взглядов на жизнь, то я услышал из уст Андрея Львовича буквально следующее:

— Если бы я не был сыном своего отца, я бы его повесил!

И он добавил еще соответствующий жест рукой.

Разговор происходил в родном доме Андрея Львовича, при жизни его отца.